

Ольга Леонович

Приют души

16+

Ольга Михайловна Леонович

Приют души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68313428

SelfPub; 2022

Аннотация

Избранные стихотворения о жизни, природе, родных и любимых, встречах и разлуках, философские и религиозные.

Содержание

«Душа смиряется, и любит, и прощает ...»	9
Синий путь	12
В полёте	13
Полёт	15
Поезд	16
Дорога домой	17
Дороги есть такие...	18
Предки	19
Страницы дела	20
Поэт – 30-х	21
Огонь и вешняя трава	22
Куда везёшь...	23
Домишко	24
Старый сад	26
Бабка	28
Женщина	29
Там, где мама	30
Дочка спит	31
Заболел	32
Отрадой для души	33
Апрельский дождь	34
Осенний этюд	35
Уходишь	36

Портрет	37
На другом берегу	38
Ты знаешь, как в Раю?	39
Гитара	40
Письмо отцу	41
Жизнь – река	42
Отчаянья глухая глубина	43
Жизнь земная	44
Тайны	45
Гроза	46
День	47
Сосна	48
Степь	49
Лето	50
Полянка	51
Июнь	52
Тишина	54
Август	55
Прощание с августом	56
Протока	57
Осеннее	58
Осенние перелески	59
В осенние дни	60
Попутный разговор	62
Чита	63
Ах, сентябрь	64

В мире осень	65
Который час?	66
Капли	67
Осенний туман	69
Осенний дождь	70
Сентябрь	71
Первый снег	72
Тучи снеговые	73
Тяжёлый снег	74
Прозрачный день	75
Зимний день	77
Морозы	78
Морозный туман	79
Новогоднее	80
Последний день зимы	82
Ветры гулкие	83
Забайкальская весна	84
Весна	85
Восторженный апрель	86
Туманный день	87
Вечерний дождь	88
Яблони цветут	89
Утренний сад	90
Новая книга	91
Полоса	92
Вечерний знак	93

Зеркало	94
Любовь и боль	95
Герда и Кай	96
Ты еще рядом	97
Хорошо бы	98
Март	99
Иль спрятаться в сердце	101
Печалишься?	102
Мосты	103
Ждут меня твои ладони	104
О надежде	106
Надежды луч	107
Когда со всех сторон обложат	108
Мне говорят – не торопиться	110
Что впереди?	112
С разбитым сердцем...	113
Грустное-грустное	115
Другой сад	117
Волна из прошлого	118
Камешек	119
Нежность	120
Капли с неба	121
К твоему плечу	122
Излечи меня, любовь	123
Мастер	124
Утро	125

Колыбельная для любимого	126
Так не бывает	127
Навечно	128
В пустыне сердца моего	129
У меня на душе светло	130
Был бы жив ты...	131
Без тебя	132
А у нас на Земле	133
Бело-рыжая весна	134
Твой город	135
Моё сердце полно тобою	136
Вечно рядом	137
Альбом	138
Здесь Небо близко	140
Шкатулка	142
Крошка	143
Ты знаешь...	144
Апатия	146
Тишина	147
Ткань жизни моей	148
Рядом	149
Быть может, брат...	150
Умиряющие люди	151
Приснилась школа	152
На старом кладбище	153
Молюсь, и лица проступают	154

Воспоминания	156
Узы	157
Верёвка	159
А душа усталая мечтает	160
Выбраковка стада	161
Приют души	162
Божьи Ангелы	163
Ангеле мой светлый	164
После молитвы	165
Лазарь	166
Из селенья захолустного	167
Мимо храма люди	168
Соборование	169
На Троицу	170
Люби Небесное	171
Небесный город	172
Об авторе	173

Ольга Леонович

Приют души

**«Душа смиряется, и
любит, и прощает ...»**

В новую книгу стихов дмитровской поэтессы Ольги Леонович «Приют души» вошли произведения разных лет.

Автор сборника – человек глубоко православный, и это, конечно же, отражается на общем восприятии его содержания. Хотя тематика стихов разнообразна и выходит порой за рамки православия, читатель невольно учится видеть Божий промысел во всём – в красоте и гармонии природы, в человеческих отношениях, в творчестве, в хитросплетениях судьбы ... Широко представлена тема любви в разных её проявлениях, интересны философские размышления о жизни и смерти ...

Зачем тебе громада тёмных сплетен?

Зачем обиды, едкая молва?

Есть мир иной. Он невесом и светел.

Там обитают чистые слова.

Стихи Ольги Михайловны широко известны в Дмитрове

и за его пределами. Её перо отточено годами и десятилетиями творчества. За видимой лёгкостью, воздушностью и лаконичностью стихотворных строк, помимо божьего дара, стоят кропотливый труд, знания секретов поэтического мастерства. Отсюда работа со словом, интересные находки, как на пример, в стихотворении «Весна»:

...Какие чудные мне принесла подарки!

Вот зелень первая, цвет неба сине-яркий.

Здесь акцент на слове «яркий» даёт совсем иной цветовой оттенок, чем привычный «ярко-синий».

В стихах о природе немало интересных сравнений, образов: «Осень капли на ветки нижет, словно бусинки из стекла». В утреннем саду «Дремлет синяя прохлада в каждой чашечке цветка». А вот какие ассоциации вызывает у автора последний месяц лета август в стихотворении с одноимённым названием: «Горячий воздух влит в сосуд прохладный поры вечерней, что остудит пыл».

Тема любви представлена довольно многогранно. Здесь и земное женское счастье, и самопожертвование, и благодарность Богу за этот чудесный дар, и горечь разлуки, и, наконец, искренняя вера в Вечную любовь, которая не заканчивается с уходом человека в мир иной.

Любимый образ носим мы с собой,

Друг друга не теряя во Вселенной.

Трагические страницы истории нашей страны, наряду со многими семьями, затронули и семью Ольги Михайловны.

В стихотворении «Страницы дела» – впечатления о знакомстве с документами по делу расстрелянного прадеда.

Но со страниц, сквозь дебри строчек

Кричит он мне: не виноват!

Бумажный серенький клочочек

Пронзает сердце, мутит взгляд...

Думаю, конёк Ольги Леонович это – лирика. Но жизнь такова, что приходится высказываться по разным вопросам. И стихи на гражданскую тему у неё не менее метафоричны:

Нас пустят первыми под нож.

Придёт пора проверить стадо.

Не блеешь, скажут, а поёшь,

А нам не блеющих не надо.

Несмотря на ощущение грусти, а порой и душевной боли, испытываемой лирической героиней, здесь нет уныния. Автор в итоге принимает мир таким, какой он есть. А в нём есть как драматические события, так и счастье – материнство, любовь, природа, творчество, гармония.

...Но я молюсь, и тихий-тихий свет

Измученную душу освещает.

Душа смиряется, и любит, и прощает...

Тамара КРАВЕЦ.

Синий путь

Заплачено тревогою родных
За синий путь над облачною цепью.
А в городе чужом – другие сны,
Дрожит душа, опоры ищет слепо.

По нитям собирает, торопясь,
Отзывчивых сердец живую силу.
Иной узор плетётся в этот раз,
Но кажется – когда-то это было...

В полёте

Гул мотора, узенькое кресло...
Клонит в сон, и всё же не до сна.
Распахнулись дали поднебесья,
А земля едва-едва видна.

Вдруг блеснет реки текучей змейка.
Засверкают зеркальца озёр.
Сквозь леса – дорога, по линейке.
Склоны гор – разлапистый узор...

Солнце, утро – в семь часов длиною!
Облака застыли вдалеке.
Говорят соседки за спиною
На каком-то птичьем языке.

Встречный самолёт промчался мимо.
Наяву молюсь я, и во сне.
Знать, душе побыть необходимо
В белоснежной сказочной стране.

Груды, горы облачных сугробов!
Держит нас невидимая нить.
От Земли оторвались мы, чтобы,

Обретя, сильнее полюбить.

Полёт

Готова к полету серьезная птица.
Стрелюю сейчас она в небо вонзится.

И будет лететь среди густых облаков,
Сверкая, рыча, высоко-высоко.

А мы, пассажиры, к окошкам прильнем.
Увидим ковер. Горы, реки на нём,

Зеркальные плоски, витые дорожки,
И много чего через наши окошки.

Сквозь тучи пройдет серебристый огонь,
И ласково встретит земная ладонь.

Поезд

Из повседневности – да в бесприютность,
В стук-перестук, пересуды вагонные,
В однообразность, в оконную мутность,
Вневременную тоску, внепогодную...

Влагой овеет наш поезд усталый.
Солнце расколется в льдинах прибрежных,
И – распахнутся байкальские дали,
И оживет, встрепенется надежда.

Солнечный ветер! Он скуку разгонит,
Вырвет из плена томительной лени...
В сумрак тоннелей уносит вагоны –
В черные дыры, к новой вселенной...

Дорога домой

Зеленой дымкой вдоль дороги
Клубятся майские кусты...
Пружинят влажные мосты...

Вдоль сопок,
Вдоль холмов пологих,
Лилово-черных болотин,
Где озерко, осоки клин
Да чей-то ветхий стан покосный,
То степью,
То под сенью сосен,
Вдоль сёл – домой!

... Остановись –
И время перестанет биться,
Затихнет, как ручная птица,
Но – в путь! –
И снова взмочет ввысь!

Дороги есть такие...

Дороги есть такие – в никуда.

Идёшь, идёшь, вдруг – каменная россыпь.

Зелёных сопок низкая гряда.

Глушь, тишь... Спускаешься с откоса:

Оградка кладбища, жестяная звезда...

На месте дома – рошица сквозная...

Дороги есть такие – в никуда,

Но лишь для тех, кто ничего не знает.

Предки

Офицер с молодыми глазами,
Сутулый священник с котомкой...
С фотографий, умытых слезами,
Смотрят на нас, потомков.

Прямая дорога на муки
Их ждет. Они знают об этом.
Но слишком беспечны их внуки, -
Такого предчувствия нету.

А путь, как всегда, неизменен –
За дух мы заплатим кровью,
И выступят предки из тени,
Сияя нездешней любовью.

Страницы дела

Страницы дела кровью пахнут...
Тоской и болью, без конца...
Казалось – имя будет прахом,
Ни памяти, и ни лица...

Но со страниц, сквозь дебри строчек,
Кричит он мне: не виноват!
Бумажный серенький клочочек
Пронзает сердце, мутит взгляд.

Расстрелян... Рожица сквозная
Бросает красную листву...
Я дело прадеда листаю.
Читаю медленно... Реву...

Поэт – 30-х

Покуда страх не одолеет,
Клещей зловещих не сомкнет,
Сквозь крики, что от часа злее,
Он о своем поет, поет...

Его облепят сотни гурий,
Снесет клокочущей волной.
Он – точка зарожденья бури.
Стеклянен временный покой.

Беги в распахнутую небыль,
Пей книг тягучее вино...
Ждет север и седое небо –
Страны тюремное окно.

Судьбы смертельные уколы
Не значат, впрочем, ничего.
Падут стальные частоколы
Пред... беззащитностью его.

Огонь и вешняя трава

Что от него останется? Глаза
на фотографиях... А в них – живет гроза.

Что от него останется?
Слова. А в них – огонь и вешняя трава.

Что от него останется?
Душа. Вне времени. Пугающе свежа.
Шлифует время
Выдувают ветры ил и пепел.
Омывают волны твердь, основу.
Так шлифует неустанно время.
...Галька, что на берег ляжет, -
Это мысль законченная камня.

Куда везёшь...

Куда везёшь, полуслепая лошадь?
Ты мимо мельницы провозишь третий раз!
У кучера притихшего не спросишь:
Надвинул шляпу – и не видно глаз.

Зачем доверилась я тихому вознице!
Он в мыслях утонул, иль просто спит?
У встречных путников – измученные лица.
Да и у нас самих не лучше вид...

Похоже, не узнать, куда мы едем.
Вот так и будем медленно кружить...
То дождь... То солнце... Странные соседи...
Дорога – состояние души...

Домишко

Чудом держится домишко,
Из последних сил стоит.
Ветер хлопает бельишком,
И в окошке свет горит...

Провалилась крыша слишком,
Стены в доме повело,
Но лежат рядком дровишки:
Видно – топят, и тепло...

Пёс в коморке возле дома,
Отлежится – и во двор.
Обежит забор знакомый –
Устрашится всякий вор.

На забор без слёз не глянешь.
Доски рубят, в печке жгут.
...Разве жить сюда заманишь?
Но, как видите, живут.

Заменили стёкла плёнкой...
...Пусть не верит и не ждёт,
Но стоит-живёт избёнка...

Чьи-то души бережёт...

Старый сад

Заросший, словно дед щетиной,
Живёт суровый, старый сад.
Во мхах, чащобах, паутинах,
Он самому себе не рад.

В нём что ни куст – то зверь косматый.
Деревья хворые скрипят.
Не оживляет снега вата,
Не красит осени наряд.

Живёт, и сам себя не слышит.
Давно тропинки заросли.
Строений непонятных крыши
Уже прогнулись до земли.

...Однажды яркий свет вечерний
Прошёл сквозь ветки и листву,
Нашёл скамейку и качели,
Беседку, как по волшебству...

И расцвели воспоминанья!
Теперь в заветный тёплый час,
В лучах любви, тепла, вниманья,

Сад оживает каждый раз.

Бабка

На больничной койке – бабка тощая.

Что сухая веточка – рука...

В чём и держится душа?

Живые мощи...

Но – синющие глаза из-под платка.

– Выгнала давно я мужа-пьяницу,

Четверых детишек подняла.

Вволю довелось хлебнуть – намаяться,

Дал Господь – здоровою была.

Попустил – пришла болезнь-захватчица,

Видишь – руки плетями висят...

Не дают с внучатками понянчиться...

– Сколько лет Вам?

Улыбнулась:

– Пятьдесят.

Женщина

Она вошла легко, непринужденно,
Как эвенкийка в стойбище свое,
По сторонам не глядя удивленно,
Как будто знала –
Все здесь – для нее.

Ее приход не отмечали пышно.
Но сразу понял каждый старожил,
Что до неё, неброской и неслышной,
Никто по-настоящему не жил.

Там, где мама

Неумолчный шум больницы,
Шорох вьюги за окном...
Безмятежно сыну спится:
Там, где мама – там и дом.

Дочка спит

Зимний вечер в ночь уходит,
Иней окна залепил.
В небе месяц на исходе...
Баю, маленькая, спи...

Ночь густеет за окном.
Темноты боялась, помню,
Но теперь наш старый дом
Светом нежности наполнен.

Дочь в кроватку уложу.
Пусть малышке сладко спится...
И... боюсь, пока иду:
Вдруг да скрипнет половица...

Забодел

Дома скучно, серо, пыльно.
Опустел. В больнице – сын.
Говорит: «Тоскую сильно,
Я лежу почти один».

Дом, работа и больница...
Я мечусь туда, сюда...
Как ему там естся, спится?
Врач подходит иногда?

Был бы хоть диагноз точен,
Потерпеть хватило сил –
Исскучались очень-очень...
Вот уж август наступил...

...Замер, худ, в трико и тапках
У дождливого стекла.
Так схватила бы в охапку
И домой уволокла...

Отрадой для души

Отрадой для души – одно словечко:
Жив. Более не нужно ничего.
Я в храме помолюсь, поставлю свечку,
И троеперстье ляжет на чело.

А мне казалось – сына оторвали
Навеки – так потеряна душа,
Покой и благодушие украли,
Бессмысленно жалеть и утешать...

Но телефонный голос в ухо впрыгнул,
Душа воспряла, дёрнулась к нему.
Насытилась одним лишь кратким мигом,
Что разметал переживаний тьму.

Апрельский дождь

Апрельский дождь! Вечерний, золотой!
Садится солнце, в капле каждой – лучик.
Не страшно им, что синевой густой
На юге поднялась до неба туча.

Им хорошо, им весело сверкать!
Купаться в лужах, ледяных, прозрачных.
Бурлит водою трасса, что река.
В окно на дождик грустно смотрит дачник...

Я вышла в сырость, свежесть – подышать.
Гляжу на туч тяжелое движенье.
Я – молода. Мне снова – двадцать пять!
А у синишек завтра – День Рождения!

Осенний этюд

Осень капли на ветки нишет,
Словно бусинки из стекла...
Небо сумрачнее и ниже...
Мягкой тканью листва легла...

В доме тихо, тепло, уютно...
Вместо компа гляжу в окно.
Дремлет рощица в дымке мутной,
Стынет пруд, околдован сном.

Мама с дочкой идут на горку,
Обе в куртках, с большим зонтом,
Отражаясь в асфальте мокром
Ярким розово-жёлтым пятном...

Пролетая, шуршат машины.
В доме рядом зажётся свет...
От желания звякнуть сыну
Никакого спасенья нет...

Уходишь

Памяти мамы

Сплю я – в ритме скупого дыхания.

Тормошу уговорами сердце.

Только склонно оно к затиханию.

Ты уходишь. Уходишь! Не верится.

Негодует земное сознание.

А душа лишь вздыхает прерывисто.

Было ей лучезарное знание,

Быстротечней синичьего высвиста.

Было ей голубое видение.

Пусть сознание с тенью сражается,

Но душа вобрала убеждение:

Жизнь и там, за чертой, продолжается.

Портрет

Портрет на стене в опустевшей квартире.
Теперь ты – везде. Ты рассеянна в мире.

Ты – девочка, с бабкой бредешь по дороге.
Промозглость, распутица, мокрые ноги...

Смешливая девушка... Кружатся снимки...
Ты – мама с детьми, на диване, в обнимку...

Ты – бабушка, щурясь, очки протираешь...
Ты... девочка, руки раскинув, взлетаешь...

Ты всюду. Ты снишься мне, снишься и таешь.
Реальна, как жизнь, и легко ускользаешь...

Утратой нелепой, невысказанной самой,
Всегдашнюю раню стала ты, мама.

На другом берегу

1.

Заботы, страсти – глуше и скучнее.
Душа почти не держится за них.
Порою кажется, что связь её прочнее
С той, что уже не числится в живых.

2.

Ты обо мне тоскуешь? Не тоскуй.
Мы встретимся – от радости заплачем...
Наш переезд, ты знаешь, не оплачен.
Мы копим горести на этом берегу.

А перевозчик в белом стар и строг.
Молчит, не говорит, когда же срок.

Ты не тоскуй. Дождёмся как-нибудь.
Качнётся вдруг прибрежная ветла,
Волна плеснёт, шипуча и светла...
Нас наберут до полного числа,
И – в путь...

Ты знаешь, как в Раю?

Ты знаешь, как в Раю?

Там – любовь.

Там можно быть маленькой-маленькой.

Там ждёт меня мама.

Она возьмёт меня на руки

И я крепко-крепко обниму её,

И скажу сквозь слёзы:

«Где ты была так долго?!»

А ещё там можно быть большой-большой,

И взять на руки своих деток,

И маму, которая станет маленькой.

Рай – это любовь.

Гитара

Пане

Гитара под неверными твоими
Задумчивыми пальцами грустит.
Прерывистый, зыбучий звук доньше
Живет в душе, трепещет и болит.

Не вынесла. Ушла и дверь прикрыла.
Но звуки проступали за стеной.
Гитара смолкла, а они все... были,
Струну перебирая за струной.

Когда я в электричке задремала,
Гудел гитарный бок, смолист, бордов.
Свои колки оставив у вокзала
Вослед бежали струны проводов...

Наивная, безжалостная память!
Как сладки и остры твои лучи...
Дань требуя, до неба призрак встанет,
И каждый нерв ответно зазвучит.

Письмо отцу

Скупее дыхание, меньше сил...
Ты уйдешь – будем жить не планами,
Не проектами твоими, а полянами,
Лесом, небом, которые ты любил.

В слезах дождей осенних,
В гомоне птиц весенних...

Тоскую по тебе, настоящему,
Тоскую по тебе, уходящему,
Недолюбившему, недолюбленному,
С жизнью, наискосок разрубленную...

С непониманием, одиночеством...
Как в детстве, прильнуть к тебе хочется.

Прости меня за молитвы скудные.
Твои дни для меня – неподсудные.
Жизнь пройдет, и случайное в узел свяжется.
Между нами связь крепче, чем кажется.

Жизнь – река

Жизнь не бессмысленна. И не длинна.
Она – река, со спазмами водоворотов.
А ночью в глуби звезда видна,
В лесу камышовом плещется кто-то...

Едва шевелятся плавники
Живущих в ней серебристых тварей.
Плывут селения вдоль реки,
Лес пробегает – зелено-карий...

Мосты упрямо висят над ней,
Полощет ива седые косы...
Чем глубже дно, тем она полней,
Тем отвлечённой встают вопросы.

О смерти – главный... Ей вечно жить!
Душою впасть в океан стремится,
И не заметит, как добежит,
И в нём до капельки растворится...

Отчаянья глухая глубина

Отчаянья глухая глубина...

Ища виновных – ищем наказания.

Их нет. И почва донная – видна.

Бежит вода, уносит все признанья,

Шумит – живи. Как поле, как леса.

Всё понимая – принимай без боли.

Губительны движенья сильной воли,

Пока безмолвны, слепы небеса...

Всему – черёд. Свершится, подожди.

Мы торопливы, и в ошибках тонем.

Хочет смерть, сжимая виражи...

Спаси нас Бог от собственной погони.

Жизнь земная

Жизнь беспокойная земная...

Сегодня – жизнь, а завтра – прах.

Всплакну, над прожитым взмывая.

Обрывки нитей на крылах...

Мне никогда не возвратиться

В мир, ослепительно-живой,

Ни плеском волн, ни быстрой птицей,

Ни говорливою листвою.

Я не вернусь. Без повторенья

Я дверь неслышно затворю.

И потому за каждый день я,

За миг – любой! – благодарю!

Тайны

Открываются тайны земные,
Прозреваются тайны Небес...
Кто сказал, что глухие, немые,
Равнодушные – поле и лес?

Проникая в сознание природы,
Слышим мысли травинки, цветка...
Лес, вздыхающий от непогоды...
Засыпающая река...

Когда жизни окончатся сроки,
Будет явной реальность души.
И молитвы знакомые строки
Поплывут в поминальной тиши.

Не увидят друзья и родные,
Сокровенное чудо чудес:
Закрываются очи земные -
Открываются очи Небес.

Гроза

Трещит скорлупа небосвода.
На синем – слепящие реки и нервы.
Из бездны небесной рождаются воды...
Но нерв нашей связи с Землею – не прерван.

Пока под ногами земля, не уходит,
И небо пока не свернулось, как свиток...
Пока еще дышит больная природа,
Не чувствуем мы, как друг с другом мы слиты...

День

К обеду небо – выгоревшей сини.
Березы в знойном мареве дрожат.
Под солнцем грея выпуклые спины,
Цепочкой сопки лысые лежат.

По жухлым склонам соснам не взобраться.
На осыпях кустарнички живут.
Суши, как йоги. Не впервой цепляться,
Ловить песчинки, строить почву тут.

А у реки дымок молочный вьется.
Из плавника – веселый костерок.
Сидит рыбак. Скользит по леске солнце.
Река, костёр – и он не одинок...

Сосна

Пройдем по рыжей каменистой тропке,
По крутолобой, задыхаясь, сопке,
Вон к той высокой царственной сосне.
И – упадем. И, лежа на спине,

Увидим небо, что гудит над нами.
Оно шумит, исчерчено ветвями
(Иль это кровь прибором в уши бьет?),
А солнце – блески огненные льет.

...На дне лесном, на мшистом покрывале,
На шишках глянцевых, на хвойном полотне
Лежи. Гляди, кружится по спирали
Пространство, замыкаясь на сосне.

Поют ветвей невидимые трубы,
Струится жизнь в оранжевом стволе...
Ствол – вертикаль. От занебесной глуби,
До родников, что спрятаны в земле.

Степь

Медночешуйчата, с прозрачными глазами:

В медовой линзе – черная стрела...

Грунт осыпается,

И хвост, шурша, сползает,

И вот в сухие травы утекла...

Но страх остался тоненьким туннелем.

У валуна – воздушное кольцо...

Вздыхался ветер, травы шелестели...

...И было у степи змеиное лицо.

Лето

Ворох зелени, и ропот набегающий,
Тени, блики матовые мечутся...
Что же шепчет ветер нам, читающий
Тайнопись листвы в прожилках сетчатых?..

Был мрачным лес на взгорке, но за ним
Вдруг полыхнуло солнце, поднимаясь.
Запели птицы, на ветвях качаясь,
И стал тот лес весёлым и сквозным.

Тальниковые кусты...
Воды синие – густы...
Речки тихий разговор...
В берегах – туннельки нор.

Писк стрижей над водной гладью...
Гальки мелкие олады...
Камни солнышком прогреты.
Детство... Вечное, как лето...

Полянка

Светлый-светлый островок в лесу,
Чистая, душистая полянка.
Держит пчёл гудящих на весу
Лилия кудрявая – саранка.

На пригорке высится кипрей –
Облачко из бабочек лиловых.
Тянет стебли сизые пырей –
Сквозь сухие травы вырос новый.

Вдоль опушки – сосенки стеной,
Одеяльца чабреца и кашки.
Дальше – ельник, где всегда темно,
Но тем ярче белые ромашки.

Тоненько комарики звенят –
Где-то рядом прячется болото.
Мы уходим, но порой назад
Глянем, словно там забыли что-то...

Июнь

Июнь привычно двери растворил.
Он тучи выпустил на волю, что овечек...
Они паслись, брели земле навстречу,
И потихоньку дождь заморосил.

Туман кусты окутал, словно дым.
И заплясали пузыри по лужам.
Вращался листик, каплями закружен...
Сверкали ели в искорках воды.

Пион закрылся, чашу наклонил.
А ирисы цветные, расписные,
Насквозь промокнув, стали слюдяными,
Но всё ж стояли, из последних сил.

Дождь разогнал на крыше голубей.
Они в полёте расставаться не хотели,
Над мокрой площадью стремительно летели
И отражались очень ясно в ней.

Дождь перестал. Умытая земля
Глазами лужиц в небеса глядела.
Листва на липах глянцево блестя,

И аромат дарили тополя.

Тишина

Не дрогнет лист, и не воскликнет птица.
Лишь плеск воды от мокрого весла.
Лицо пятном бегущим отразится.
Бесшумно тень под лодкой проплыла.

Такая тишь, что замирают мысли.
Полощут ивы длинную листву.
Две стрекозы над рукавом зависли.
И под водою облака плывут.

Август

Тихонечко снижает обороты
Зелёная лесная карусель.
Средь зелени сверкает позолота...
Чуть холодней небесная капель...

Горячий воздух влит в сосуд прохладный
Поры вечерней, что остудит пыл.
Осыплет ночь потоком звездопадным...
По небу утра – взмахи белых крыл...

Лилово-жёлтый август осторожно
Погладит кудри жёсткие ботвы...
Уходит лето. В колеях дорожных
Блестят монетки жёлтые листвы...

Прощание с августом

Мы успеем помириться и покаяться...

Август наш – зелёный, золотой.

Яблочный и сливовый, ласкается,

Наливает травяной настой...

Лес прозрачен, дух грибной, ромашковый...

На полянах – желтые цветы.

Облака – кудрявыми барашками,

Ни уныния уже, ни маяты.

Обними нас, август, на прощание.

Проводи в осенние дожди.

Лист в ладошку, словно бы нечаянно,

Лёг, прогретый солнышком... Иди ...

Протока

Вода золотисто-прозрачна в протоке:
На листьях опавших она настоялась.
Ключей-невидимок упругие токи
Воронки песчаные крутят, свиваясь.

Полшага – и сразу иная картина.
Подводное царство: на ветках корявых
Зеленая и рыжеватая тина,
Кольшутся лентами узкими травы...

А на перекате вода говорлива,
Ярки, разноцветны промытые камни.
Возьмешь на ладонь их – они торопливо
Обсохнут.... И нет в них
Ни жизни, ни тайны...

Осеннее

Очи прозрачной осенней реки,
Синие от потемневшего неба.
Шорох травы, камыша поплавки...
Стог на поляне – буханкою хлеба...

Дремлет берёзовый жидкий лесок...
День тишины только раз и нарушен:
Утки со свистом, наискосок,
В сторону рясных болот и лягушек...

Осенние перелески

Люблю уют осенних перелесков.
Покой и свет. Отрада тишины.
Чирикание пичуг, речушки всплески...
Тепло огромной кряжистой сосны...

Кузнечик протрещит. Комар заночует.
Лениво пчёлы выются над цветком...
Не жжет светило томное дневное.
Вечернее – с прохладным ветерком.

Мой возраст совпадает с этим сроком.
Размеренна, тепла моя пора.
Глядится небо в синь промытых окон.
Свет золотой не сходит со двора.

Не знаю, доживу ль до срока стыни,
Сменяю ль медь на чары серебра...
До силы творческой, телесного бессилья...
До несказанной лёгкости пера...

В осенние дни

1.

В осенние дни, когда моются рамы,
Особенно остро тоскую по маме.
По лесу бродили, по листьям шуршащим,
В сентябрьском огне были рощи и чащи.

Мы мох принесли. Он красивой грядой
Лёг на подоконник – зелёный, седой,
Верней, – серебристый и изумрудный...
...Порой без тебя мне так пусто и трудно...

2.

Мне представляется солнечный дом.
Светлый, осенний. Распахнуты окна.
Пахнет грибами, листвою, дымком,
Небо синее – прозрачно, глубоко...

Вижу я маму, но вдалеке.
Мне до неё не дойти, не дозваться.
Тихо уходит она, и тоске
Душу прошу я не отдаваться.

Лечит любовь наши души от ран.

Лечит смиренье, доверие к Богу.

Может быть даст Он и встретиться нам...

Мы не прошли ещё нашу дорогу.

Попутный разговор

Попутный разговор...

О чем – неважно.

Летел осенний сор

Листвы бумажной.

На рыжих площадях

Гуляло солнце.

Скользило в проводах,

Очках, оконцах...

Как ловкий старичок –

Бегун в кроссовках –

Топтался сквознячок

На остановках.

Троллейбусный уют...

Плащи, береты...

Осенний пестрый люд,

Пропахший ветром...

Чита

Прыгают круглые листья –
Ветер играет.
Площадь подмел он, шатаясь,
От края до края.

Солнце и ветер –
Обычная наша погода.
Щурятся люди,
Смугла и скуласта природа.

Ветер московский –
Спокойнее, мягче и тише.
Яблоко бросит,
Погладит взгрустнувшие крыши...

Время в Москве суетилось,
Давило, свивалось.
Ветер читинский обрушился,
Выгнав усталость!

Ах, сентябрь

А сентябрь роняет яркий лист,
С ветром шепчется о скорой непогоде...
Уток пролетевших тонкий свист...
День к закату – и тепло уходит...

Истощаются запасы тёплых дней.
Утром лужи – ледяные стёкла.
Но речушка суетится. В ней
Разноцветье лиственное мокнет...

Ах, сентябрь... Ты – праздник золотой,
Щедро сыплешь ягоды и листья...
А октябрь холодной чистотой
Отрезвит... Другими будут мысли...

В мире осень

Пылятся книги и бумаги,
Храня нектар тысячелетий...
И терпкий яд глухих столетий...
А в мире – осень. Хмарь и влага,
Висят ботвы пожухлой плети.

То горихвостку, то синичку
В ограде лужа отражает.
Листок, шурша, слетает птичкой,
Траву, румяный, украшает.

И мир, чарующий, убогий,
Настолько свеж и полон жизни,
Что явственно дыханье Бога
В моей задумчивой Отчизне...

Который час?

Который час? Ни день, ни вечер...
Дождь сыплет, сеет. Поздний гость.
Шуршит листва. Намокли плечи.
... Брусники ледяная горсть.

Листы брусничные – корытца.
На пальцах – хвоя, кислый сок...
Осины – рыжие лисицы...
Сосновый дымчатый лесок...

Душе уютно и беспечно.
Густеют волглые кусты.
И равномерно, бесконечно
Паденье капель с высоты...

Капли

Усыпанные ягодами ветки
Безлиственны, сплетения густы.
Пичуги в них порхают, словно в клетке...
Туманны сумерки, просторны и пусты.

Фигуры вырастают из тумана.
Проходят, и срываются вослед,
Сверкая, капли редкие с каштанов,
Стучат по влажным листьям на земле.

Вдруг где-то всполошится грай вороний...
Потянет горечью, древесною, сырой,
И память вдруг откроет, что хоронит...
И полетят картины чередой.

Душа вдруг встрепенётся и занует,
Замечется, и болью вспыхнет вдруг.
Но всюду царство сонного покоя.
И капель убаюкивает стук.

А слёзы – что... Они – как эти капли.
Дрожа, сорвутся в чёрную траву.
Закончены концерты и спектакли.

Ещё сценарий есть! И в нем живу.

Осенний туман

Туман дождем пролился наконец.
Баюкая деревья, город спящий.
Свет фонарей из радужных колец
Обычным стал, оранжево—слепящим.

И гарь ушла. Осенний аромат
Травы и листьев сладковато-прелый
Окутал улицы. Вдохнул всей грудью сад.
Пришла лиса и на тропинку села.

Прислушалась: вдруг где-то пискнет мышь.
Иль птица сонная перепорхнет на ветку.
Но только капли нарушали тишь,
Все сыпал потихоньку дождик редкий.

Осенний дождь

Потоки дождевые по дороге
Текут, несут кораблики из листьев.
Душа котёнком дремлет, ни тревоги,
Ни грусти. Успокоенные мысли...

Гляжу в окно: промокшие деревья,
Зелёно-охристые... Красные рябины...
Косматых туч неспешное кочевье...
Машин бегущих лаковые спины...

Дождь убаюкивает мерным лёгким стуком,
Как будто по карнизу сыплют бисер.
В моей душе не обитает скука,
Во всех явлениях обретаю смыслы...

Примчался ветер, в танце листья кружит.
Дождь перестал, и солнце заискрилось.
И в разноцветной, полной листьев, луже
Улыбчивое небо отразилось.

Сентябрь

Редет листва на деревьях.
Жгут листья, чернеют стволы.
Во что же, природа, ты веришь?
Повсюду лишь кучки золы.

Дни грустные, серые, волчьи.
Сентябрь – в дождевике.
Но ты улыбаешься молча,
Рябинку зажав в кулаке.

Первый снег

Первый снег – на зелень,
Крупкой – на ботву.
Ветер листья сеет
В жухлую траву.

Небо виснет чашей,
Сизовой мглой...
В бочке лёд тончайшей
Корочкой тугой.

Листья, что остались,
Шепчутся в тоске
На ином, усталом,
Жёстком языке...

Тучи снеговые

Тучи снеговые холод принесли,
Белые одежды для скупой земли.
Не увидишь рытвин, не найдёшь бугров...
Стелет Богородица девственный Покров.

Тяжёлый снег

Тяжелый снег... Он синевато-серый,
Почти вода, с землёю заодно.
Он в то, что был летучим, сам не верит,
Но в озере не падает на дно.

Плывёт, полупрозрачный, студенистый.
В лесу склонил берёзы до земли.
Под ним укрылось разноцветье листьев...
Плывут по небу тучи-корабли.

Тяжелый снег, твоё непрочно иго.
Текут ручьи, стоит в ложбинах муть.
Лес опустел – прочитанная книга,
Ты всё узнал – и устремился в путь.

Узнал, что есть в тебе и власть, и сила,
Берёзы до сих пор стоят дугой...
Но вот тебе на смену лёгкий, милый,
Идёт снежок, совсем, совсем другой...

Прозрачный день

Нынче ящик почтовый пуст...
Стынь и снега яблочный хруст.

Нынче в доме живет тишина.
Ночь безлунно-светла и длинна.

В ней раздумья просторно-вольны
И глубинно-таинственны сны...

День прозрачен, оснеженно-бел,
Заполняется множеством дел,

Неотложных, привычных, простых...
Нынче мир удивительно тих.

Не врывается вихрем вестей,
Не сбивает волной новостей.

Наши новости только о том,
Что синица свистит за окном,

Что снежинки на ветках дрожат,
И врачуется молча душа...

... Что отравленный, шумный, больной
Мир излечится – тишиной.

Зимний день

Зимний день – синицы посвист.
Красный луч коснется крыш.
Вечер полог синий бросит,
Скрип шагов прорежет тишь.

За деревней, у опушки,
Эхо ловит голоса.
Окна светятся...
Избушки – новогодние игрушки,
На дымках своих висят.

Морозы

Какие сильные морозы!
Туман утрами, воздух жжет.
Чуть ветер – вышибает слезы...
Но как хрустяще, как свежо!

Стоит село в звенящей дымке.
Дым из трубы клубится, бел.
Вдохнешь всей грудью -
Словно льдинку
Иль кус мороженого съел.

Морозный туман

Мороз. Туман. Белеют сосны, ели.
Сквозь ветки кружевные – купола...
Прохожие идут, заиндевели.
За ночь метель сугробы намела.

Дома – что корабли в белёсой дымке.
Фотографирую в тумане всё подряд,
Мороз кусает. Сделав пару снимков,
Под куртку прячу фотоаппарат.

Потом уж, дома, монитор покажет,
Что удалось навек запечатлеть.
Чем удивит? Надеюсь, что не смажет
Ворон, что в кадр надумали влететь?

Запечатлелись: дымка и прохожий;
С берёзы сыплется блестящая слюда...
Белеет куст, колючий, словно ёжик...
И даже сказочно красивы провода!

Новогоднее

Плывет по дому запах хвои
Когда, очнувшись ото сна,
Душистой, гибкою, живою
В тепле становится сосна.

Ствол тонкий – в банке трехлитровой,
С водой прозрачной до краев.
День ото дня темнее хвоя...
Сверканье блесток и шаров...

С декабрьских дней и до Крещения
Живет таинственно в углу.
То – в разноцветном освещении,
То тенью тихой... На полу –

Хвоинки, что роняет робко...
Пора прощаться с ней, и вот
Игрушки прячутся в коробку.
Сосну уносят в огород.

Она стоит в сугробе белом,
Храня домашнее тепло,
Прекрасна, как во гробе дева...

...В углу же – пусто и светло...

Последний день зимы

Стоят леса таинственно-тихи.

В последний зимний день, совсем весенний.

Сияет солнце и горланят петухи.

Но день недолог. Вырастают тени.

Кот на скамейке только развалился,

Прилезла тень, накрыла, согнала.

Снег от тепла осел, засахарился,

Сияют кромки тонкого стекла...

Сосульки, не наплакавшись, застыли.

Похолодало, и из труб идут дымы...

Весна мелькнула – и лишилась силы.

Последний день, но всё же день – зимы...

Ветры гулкие

Ветры гулкие – крыльев мощен взмах,
Встречь весне на юг полетели
Стаял снег, и холм чабрецом пропах...
Эту зиму мы одолели!

На окраине, где сквозной лесок,
Запах прелых трав, горьковатых хвой...
Ожил, ожил лес, тихо копит сок,
Машет ветками – я живой!

Забайкальская весна

Забайкальская весна... Седые шубы
Ковыля, и грязный снег в полях.
Ветер сумасшедший, пыльный, шумный,
С посвистом качается в ветвях.

Белые берёзы – словно кости
Светятся на чёрном полотне.
Запах гари, обжигов коросты...
В озерах – мальки снуют на дне...

По степям гуляют табунами
Кони с шерстью выцветше-густой,
Жеребята с тонкими ногами...
Мир раздольный, жёсткий и простой...

У кочевников – обветренные лица.
Жизнь в седле проводят степняки...
Под молитвы ветра мирно спится
Детям в белых юртах у реки...

Весна

Сегодня пообщалась я с весной.
Ах, как делилась радостью со мной!

Она меня и свежестью поила,
И обнимала, улыбалась мило.

Какие чудные мне принесла подарки!
Вот зелень первая, цвет неба сине-яркий,

Узоры веток, птичьи голоса...
Дождя недавнего хрустальная слеза...

Искрились каплями берёза и сосна...
Домой вернулась я, а на душе – весна!

Восторженный апрель

Восторженный апрель
Разводит акварель.

Рисует он легко
Блеск вербных облаков.

Лиловые цветы,
Прозрачные кусты,

Как плещется вода,
Сломив оковы льда.

И лед вдоль берегов –
Осколки облаков...

Туманный день

Туманный день. Пред снегом иль дождём.
Синица тенькает. А птиц иных не слышно.
Гуляю. Сад почти освобождён
От ледяных сугробов. Каплет с крыши.

На ветках капли. Дышится легко.
Хотя... в апреле! – пальцы подмерзают...
Туман дома упрятал в молоко.
Прольётся скоро тихими слезами.

Далёких фар неясные огни,
Сугробы, пряный запах глинозёма...
А я люблю и вот такие дни.
Перед дождём иль снегом, словно дрёма.

Вечерний дождь

Дождь вечерний, воздух влажный...

Отражает всё подряд,

Даже дом многоэтажный,

Чёрный лаковый асфальт.

Вот реклама на киоске.

В отражении – пожар.

Светофорные полосы...

Вертикали ярких фар...

Разноцветных красок пляски...

Брызги, сырость – ну и что ж!

Не прогулку – просто сказку

Подарил вечерний дождь.

Яблони цветут

Лето заглянуло к нам весной:
Всё цветёт с невиданною прытью.
Встали одуванчики стеной
Рядом с остролиственной снытью.

Отцветают яблони в саду.
Лепестки небесные повсюду.
Словно я по облаку иду,
Удивляясь радостному чуду.

На столе, скамейке – лепестки...
Два щегла внезапно прилетели,
Суетятся в яблоне, легки.
Голоса – прекраснее свирели.

Ночью дождь собьет последний цвет.
Где-то погромыхивают громы...
А пока – струится райский свет,
Лепестки кружатся, невесомы...

Утренний сад

Словно розовые тучи
Опустились на сады.
Солнце глянет – вспыхнет лучик
В каждой капельке воды.

Крепко спят, сомкнув ресницы,
Одуванчики в траве.
Но поют, щебечут птицы,
Неприметные в листве.

Свежесть утреннего сада.
Проплывают облака.
Дремлет синяя прохлада
В каждой чашечке цветка.

Новая книга

Вновь цветут в душе колокольчики,
и ромашки, и одуванчики...

Снова рукопись, чай с лимончиком,
на столе стихи, на диванчике,
на полу и на подоконнике,
монитор в очках отражается...

Вновь душа погружается в хроники...
Это новая книга рождается...

Полоса

Звучат обрывки мыслей, голоса:

Пришла она, живая полоса,

Когда и явь, и вымысел сплетаешь,

Взлетишь – захватит дух, и тут же – вниз.

В надежде на спасение хватаешь

Огрызок карандашный, чистый лист.

В смятеньи пишешь, пишешь, как ворожишь...

И высказаться до конца не можешь...

Вечерний знак

На небесах вечерних – знак из линий тонких.
Под аркой радуги сосняк в сиянье тонет.

Дождь брызжет стрелами огня. Хвоя в алмазах.
Какое завершенье дня! Дождь, солнце – сразу!

...Заката лезвие слепит над горизонтом.
Там сопка динозавром спит: привычный контур.

Обычный непохожий день. Когда ж научишь
Вот так же: погружаться в темь, и вновь по тучам

Рассветным, радостно взойти – любя! Любимой!
И заново весь путь пройти – неповторимо!

Зеркало

Качнувшись, зеркало приблизит
Лицо в задумчивых слезах,
Гор заоконных выгиб сизый,
Волнистый росчерк в небесах...

По облакам – пожар закатный.
Прочь, зеркала. Гори, окно.
Сменились краски – троекратно!
... А слезы... Высохли давно.

Любовь и боль

Рифмуются – любовь и боль.
Не точной рифмой, а по сути...
Неистребима она, коль
До поднебесья душу крутит.

Цветы и листья кружат там.
Взмывает вихрь, пылая свечкой.
И листьев липнут ко щекам
Кровоточащие сердечки...

Герда и Кай

Герде не знать ли – ведут все дороги
К сердцу любимого Кая...
Зубчатых гор ледяные отроги...
Слёзы замёрзли, стекая...

Лёд отчужденья легко не растает...
Чтобы любимый согрелся,
Герда, отважная, хрупкая, знает –
Надо отдать своё сердце.

Ты еще рядом

Ты – еще рядом.

И ты уже – там, за полосой отчуждения.

Ты невпопад отвечаешь, словам

Не придавая значенья.

Близится, близится время отлета.

А я все надеюсь, надеюсь на что-то...

Хорошо бы

Хорошо бы последнюю связь оборвать
До того, как уйти соберешься.
А иначе калитка опять и опять
Будет хлопать – и ты обернешься.

А иначе завоют вослед голоса,
Куст шиповника в платье вонзится,
Будут прочной стеною тесниться леса,
Незнакомые хмуриться лица.

Для чего это бегство? Душа – пополам,
Существом неприютно-несмелым...
Надо так расставаться: душа уже там,
Там, в грядущем. И очередь – тела.

Март

После встречи со мною ты станешь иным.
После встречи с тобою я стану иная.
Седина, а я вижу тебя молодым,
В тёмном взоре тону и не чувствую дна я.

Март бросает лучи через чёрные ветки.
Снова оттепель, таянье, птичий галдёж...
Я ищу в Интернете меж строчек отметки,
Что ты мысленно рядом, что отклика ждёшь...

В разных точках земли, временных измерениях
Мы от скуки тягучей, душевной тоски,
Осторожно, как в воду, вошли в откровенья.
Оказались вдруг ближе касанья руки.

Кто я, что я – годами заброшено было.
Кто ты, что ты – кому и зачем объяснять?
Трудно вспомнить, что душу мою разбудило.
Что тебя зацепило во мне – не поймать.

И теперь перед явью растеряны оба.
Лесом-ельником прошлое, нету пути...
Ты окликнул меня в полушаге от гроба.

Оглянулась – и взор не могу отвести.

Март сияет и брызжет, и стрелочки-льдинки

Превращаются в слёзы, и хочется жить.

И я вижу того, что не сбудется, снимки.

Может – будет? Пока невозможно судить...

Иль спрятаться в сердце

Хочу быть на шее твоей – медальоном,
Горошиной, крошкой в глубоком кармане,
Иль в краешке глаза слезинкой солёной,
Иль спрятаться в сердце, где всё без обмана.

Ты всё опасаясь, что потеряешь,
Что выронишь чашу – она разобьётся...
Ты словно идёшь до овражного края,
Где пропасть, дыша, пред тобой развернётся.

Но сколько б она ни текла, ни змеилась,
Я (видишь?) незримо к тебе прилетела.
И птицей на руку к тебе опустилась.
Ты чувствуешь тёплое, в пёрышках, тело?

Рукою взмахнёшь – улетаю на ветку...
Поверить, Фома, не желаешь, не можешь...
И, словно Адам, ощущаешь нередко
Нехватку ребра где-то слева, под кожей...

Печалишься?

Ты думаешь, что вырваться легко
Из лап когтистых медного дракона?
Мне на душу письмо твоё легло,
И каждая слезинка в нём – знакома.

Дракон мой дремлет, кажется, что спит.
Брожу вокруг и цепью громыхаю.
Его бессмысленно о жалости просить.
С ним рядом вянет всё и засыхает.

Он любит музыку гремучую цепей.
И наслаждается чужим томленьем тесным.
Моя душа? Печалишься о ней?
Она жива, питается небесным.

Ну, хочешь, – серой птицей обернись,
И упави ко мне на грудь – погреться...
И ощути, как утекает жизнь
Из моего, пока живого, сердца...

Мосты

Голуби воркуют на балконе.
Дальние сияют купола.
А душа, тюремный вор в законе,
Разбирает старые дела...

Вырвалась как будто на свободу,
Сзади шлейф ошибок, нехорош...
Кажется – ни воли и ни ходу,
За спиною кто-то точит нож...

...Солнышко играет, небо стынет.
Золотые светятся кресты...
Ждут меня туманные, пустые,
Гулкие, тревожные мосты.

И по ним, холодным и безлюдным,
От оплетших душу липких пут
Я уйду... Но буду ль неподсудна?
Даже если жёсток личный суд?

Ждут меня твои ладони

Я знаю – ждут меня твои ладони.
Твое тепло, и я к нему прильну...
Но от отчаянья душа незримо стонет:
Иду долиной, вижу пелену.

За нею ждет привычный и нелепый
Мир из чудовищных строений и мостов...
Из компромиссов лживых прочно слеплен,
И полон возмущенных голосов.

Живут в его глубоких переулках
Пустые ужасы, живые миражи...
Шаги невидимых – чуть слышно или гулко...
В нем невозможно постоянно жить.

Я сотни раз оттуда убегала,
Но возвращалась, как бродячий пес.
Нет сил моих. Немыслимо устала...
Но верю, что пройду его – насквозь.

И пусть душа сжимается и стонет,
Пройду я сквозь густую пелену.
Я верю – ждут меня твои ладони.

Твое тепло. И я к нему прильну.

О надежде

Всё кончено – себе я повторяю.
Но почему надежда не умрёт?
Оброненные ключики от рая
Она в ладошку лёгкую берёт.

Играет ими – ободки сверкают,
И, улыбаясь, и прячет их в карман.
Известна тайна ей. Но как узнать – какая?
Быть может мысль «всё кончено» – обман?

Ей ведомо далёкое отсюда.
Глядит – и брызжут лучики из глаз,
Как будто видится ей радостное чудо...
Мне не увидеть. Мой не пробил час.

Но верю ей. Она не подводила.
...Увижу, может быть, – всё выжжено дотла.
Я стала нищею, гонимой и немилрой.
И – страшную свободу обрела.

Надежды луч

Надежды луч, как золотая шпага,
Пронзает яблоки сомнений и отрад.
Любить безмолвно – высшая отвага,
Когда любой учитель, а не враг.

Себя отдать без сожалений в рабство
Тому, кто власть неправедно купил.
Копя в смиреньи высшее богатство,
На поиск смысла не жалея сил.

Когда иссякнет дней и боли мера,
Поражена всесилием своим,
Плиту над погребом легко откроет вера,
И Божий Лик появится над ним...

Когда со всех сторон обложат

Когда со всех сторон обложат,
Когда невмочь дышать и говорить,
Одна лишь мысль: «Помилуй меня, Боже!».
И высветится, крепче стали, нить.

И выведет, дрожа, звеня, из мрака,
И – вытащит из чёрной глубины.
Пусть спазмы в горле. Но не надо плакать.
От слёз на тропах камни не видны.

Бог выведет! Стремительно иль тихо, -
Не в этом суть. В движении вперёд.
Сухою шелухой снимет лихо,
И в город белокаменный введёт.

Душа бредёт сквозь стыд и воздыханья,
Закутавшись в худое пальтецо,
Храня, как драгоценность – покаянье,
И долу приклонив своё лицо.

Неся, как груз, свои густые мысли,
Неснятый долг и жалость, рабский труд,
С мечтой о жизни непорочно-чистой,

Которую нелепостью зовут.

Мне говорят – не торопиться

Мне говорят – не торопиться.
Не приговаривать, скорбя.
Мол, ни побег, ни власяница
Не для тебя, не для тебя.

Мне говорят – иди по краю.
Не отходи, не упади.
А я от страха замираю,
Стена тумана впереди.

Не прыгну в пропасть, но от бездны
Рвануть не в силах я пока.
Мои стенанья бесполезны,
И крест, вздохнув, кладёт рука...

Молюсь, молюсь без утешенья,
Оставленная средь беды.
Но вижу часто рядом тень я,
И чьи-то легкие следы.

И в грудь вселяется отрада.
Лелею тихую мечту,
Что, если в пропасть буду падать,

Меня поймают на лету...

Что впереди?

За мною вздыбились деревья,
И впереди – болот огни.
Вкруг – тени, страхи. Всё же верю,
Что обойдут меня они.

И упадут глухие чары,
И будет путь назад открыт.
И впереди – не топи, гари,
А просто луг, росой залит.

Страдания и искушения
Развеются, как чёрный дым.
И, словно старца, встречу день я.
Он будет тихим и седым.

С разбитым сердцем...

С разбитым сердцем ухожу я от тебя.
Излечит ли другой его – не знаю.
Заштопает ли скорбное, любя?
Уж больно рана рваная, сквозная.

Казалось – ты бы мог меня вернуть,
Чуть взгляд смягчив, чуть приласкав небрежно...
Но отпустил в безвременье и жуть,
И снег замёл тропинку к жизни прежней...

Мне страшно, как ребёнку в темноте.
Но я, по-взрослому, тебя не окликаю.
Сама ушла. Блуждаю в пустоте.
Не плачу – это снег слезой стекает.

Я знаю, что разрыв – не пережить.
По сути, разделенье невозможно.
Я ухожу, но будет путь кружить.
Однажды я вернусь, в пыли дорожной...

Вернусь, чтоб только глянуть: как ты – врозь?
И мыслям пожелтевшим удивиться...
И удивлюсь – что я прошла насквозь.

Что живы мы... И прошлое – не снится...

Грустное-грустное

Я не ждала от жизни перемен.
Но, против воли, сердце захотело
Тепла... И увлекло с собою тело,
Произошёл немислимый обмен...
Один позвал, другой не стал держать.
Цеплялась я за прежний мир, привычный,
Душа летала беспокойной птичкой,
И – сорвалась... А память всё свежа...
Я до сих пор мечусь – туда, сюда...
Не верю, что кончина состоялась.
Что для меня и крошки не осталось,
И всё закрыла чёрная вода...
О, Господи, как трудно умирать!
От прежней жизни с кровью отлепляться,
Мечтать хоть на минуту оказаться
В обличье прежнем, и вздохнуть: «пора...» ...
Хотя ушла решительно сама,
Тоскою, словно выгнали из дома,
И мир вокруг – знакомо-незнакомый,
И света нет, и вроде бы не тьма...
Потерянная... Слезы потекут,
А по чему – не выразить, пожалуй.
Вдруг вспомнится картинка – и ужалит,

Из сердца вырвет огненный лоскут...

Но я молюсь – и тихий-тихий свет

Измученную душу освещает,

Душа смиряется, и любит, и прощает...

Боль спит, и улыбается во сне...

Другой сад

Меня ты вычеркнул из жизни, говорят.
Забиты окна и закрыты двери.
Зарос чертополохом дивный сад.
И нет меня нигде. А я не верю.

Верх глупости – надеяться вернуть.
Но параллельно стелются дороги.
Сквозь ветки видим мы соседний путь,
И друг о друге знаем мы немного.

Есть сад иной, на доньшке души.
Там радость, солнце – прежними остались.
Туда душа в глубоком сне спешит.
И там мы никогда не расставались.

Волна из прошлого

Волна из прошлого пришла,
И с головой меня накрыла
Холодная, густая мгла.
Укутала, что было силы.

Но у неё пустая власть!
Я корни подрубаю спешно.
Висит – готовая упасть,
Как лист засохший, пожелтевший.

Я знаю, что накатит вновь
Уныние, и будет битва.
Одно оружие – любовь,
И о прощении молитва...

Камешек

Лето тянется паутинкой тонкой.
Каблуки вечерами стучат по асфальту.
Я твой образ воссоздаю потихоньку
Как мозаику из кусочков смальты.

Он объёмный, цветной, и почти без изъяна.
Создавать его, строить – такая отрада!
Но твердят мне, что это – картинка обмана,
Что всё рухнет, когда мы окажемся рядом.

Говорят мне: тобой, наконец, отболею,
Говорят, что непрочен раствор, не навечно...
Но я знаю, насколько намертво вклеен
Красный камешек смальты в виде сердечка!

Нежность

Пробьётся нежность, как подснежник из-под снега,
Всё озарит сиянием небесным...
Ты – мой, ты мой! И боль моя, и нега...
Лишь о тебе душа слагает песни...

А выше только Бог и хор прекрасный,
Многоочитый, огненный и чистый...
Я знаю – все молитвы не напрасны.
О Божьей воле – утренние мысли.

Когда-нибудь мы встретимся с тобою.
В каких мирах? Хотелось в мире тленном...
Любимый образ носим мы с собою,
Друг друга не теряя во Вселенной...

Капли с неба

Теперь ты будешь долго, крепко спать.
Как спят бродяги и обиженные дети.
Как те, кому не ждать и не искать,
Как никому не нужные на свете.

Я вглядываюсь мысленно в черты,
Желая мира и сердечного здоровья.
Смотрю, как дышишь и вздыхаешь ты,
Незримо замерев у изголовья.

Так хочется погладить по плечу,
Но руки – сквозь... Не знаю – быль, иль небыль...
И, слёзы уронив, к себе лечу.
...Тебе приснится дождь, и капли с неба.

К твоему плечу

Прижалась к твоему плечу
Доверчиво и нежно.
И – не иду я, а лечу
Над этим миром снежным.

Навстречу ветер, мокрый снег,
А я – смеюсь и плачу.
А я, мой милый человек,
Счастливых глаз не прячу!

Излечи меня, любовь

Излечи меня, любовь, от ран незримых.
Ты всё видишь, и поймёшь без слов...
Голос твой я пью неутолимо,
Сплю так крепко, что не вижу снов...

Излечи меня, любовь, от недоверия,
От пустынных комнат, сквозняков...
Смою все обиды и потери я
Из твоих заветных родников...

Хорошо, что наконец остыли
Угли листьев в сумрачных лесах...
Подожди, мои окрепнут крылья,
И шагну с тобою – в Небеса...

Мастер

Много ремонтировал по жизни,
Всё на свете починить готов.
Жизнь давал любому механизму,
От простой прищепки до часов.

Мало ли встречается умельцев...
Бог мне Мастера чудесного явил.
Я пришла к нему с разбитым сердцем.
И его он тоже починил!

Утро

Колюча щёткою усов,
Целует муж меня утрами.
Мы вышли с ним из царства снов,
И новый день встаёт над нами.

Сейчас захватит властно в плен,
Завалит разными делами.
Мы медлим – утренняя лень
Витает, сонная, над нами.

Прильну я к мужниной груди.
Минута-две – такая малость.
Ты, день, немножко погоди.
Лежим в обнимку, улыбаясь...

Нас день забросит в круговерть.
Но будут в памяти светиться
Минутки нежности, и петь,
И согревать, как крылья птицы.

Колыбельная для любимого

Любимый мой – дитя моё, навеки.

Я поцелую смеженные веки,

Молитвою укрою не спеша.

Утешься, беспокойная душа.

Любимый мой – душа моя, навеки.

Придут на землю невесомо снега,

В судьбу придут, но нас не разлучат.

Твое тепло – у моего плеча.

Спи, нежный мой. Тебя я... отпускаю.

Жизнь пред тобой – от края и до края,

Я буду в горнице, тут, у окошка, шить.

Нам порознь, оба знаем, не прожить.

Так не бывает

Так не бывает: встретишь человека,
И жить уже не можешь без него?
Бывает. Знаешь, что не хватит века,
Чтобы познать и выслушать его.

С ним надо жить. Дышать, любить, общаться,
Порой без слов, среди шума и в тиши.
Почти не думать, что такое счастье,
А просто чувствовать: он – часть твоей души.

И перед Вечностью, что дышит Непонятным,
В преддверии Небесного пути,
Так не хотим мы размыкать объятия.
И вместе нам хотелось бы уйти

Навечно

Как я светила и к тебе бежала!
А ты – ко мне. Мы обнялись – навечно.
Разлуки с близкими, дороги и вокзалы...
Но ты со мною рядом, каждый вечер...

И я была счастливейшей из женщин.
Совпало, что любила и любима.
Ты радовался, что со мною – венчан.
Я знала, что тебе – необходима.

Тебя до слёз любила и жалела.
И даже смерть с тобой не разлучила.
Я схоронила дорогое тело.
А в сердце ты живёшь, родной и милый.

За краткий срок ты стал моей судьбою.
И миг, я знаю, может вечность длиться...
Я встречи с Богом жду. Он даст с тобою
Увидеться... И там уж всё решится.

В пустыне сердца моего

В пустыне сердца моего
Тебя оплачу я, любимый.
Кому отдать моё тепло?
Кому оно необходимо?

Твои черты в других ищу.
Но всё обман, и не иначе.
Заупокойную свечу
Зажгу. Она чадит и плачет.

Унынья бесы отойдут.
Польются тихие молитвы.
Подъём наверх не так уж крут
На Божий свет из наших рытвин.

И станет на душе светло.
И я увижу тех, кто рядом.
Кому душевное тепло?
Берите, раздаётся – даром....

У меня на душе светло

У меня на душе – светло,
Пусть и молнии в сердце бьют.
Время, милый мой, истекло,
Разлетелся покой-уют.

Мы с тобой на семи ветрах.
Где ты бродишь – не знаю я.
Но молитва прогонит страх,
И душа полетит, звеня,

В те края, где трепещешь ты,
Чтоб утешить и ободрить.
Что мне стоит тебя найти!
Между нами не рвётся нить...

Был бы жив ты...

У меня к тебе столько жалости,
Тихой нежности, благодарности...
Был бы жив ты, сказал: пожалуйста,
Обойдёмся без лишней сладости.

Ты не скажешь... Седую голову
Мне на грудь не положишь весело...
Стало золотом наше олово.
А земная любовь – небесною.

Без тебя

Как же не хватает мне тебя...
От разлуки нестерпимо больно.
Разбираю, душу теребя,
Фото наши. Ты глядишь влюблённо.

Ты глядишь, живёхонький такой.
Словно ничего и не случилось.
Будто и не пели «упокой»,
Просто ненадолго разлучились.

Как же мне утешить-то себя?
Разве ж тем, что ты живой, конечно.
И оттуда смотришь ты, любя,
Из непостижимой жизни вечной.

Будет срок – и я туда уйду.
Скажешь: «Что-то мало ты молилась.
Посмотри, я плаваю в пруду.
Столько плакала – зачем?
Скажи на милость?» ...

А у нас на Земле

Самолёт прочертил голубой океан:
Серебристый гарпун с белоснежной верёвкой...
Громоздится, плывёт облаков караван,
Бело-синей грядой с золотой окантовкой.

А у нас на земле – свежий ветер и грязь.
Оживились пырей и резная крапива.
Воробьи суетятся, чирикают всласть.
Рыжий кот наблюдает за ними лениво.

Тает пруд. На воде – огоньков перепляс.
Верба деток пушистых на ветках качает.
Жизнь терпимей, добрее была бы у нас,
Если можно бы было начать всё сначала...

Но – нельзя. Остаётся – молиться, любить.
Не грустить, уповая на Божию милость.
Я учусь без тебя просыпаться и жить,
Не пытаюсь припомнить, что ночью приснилось.

... А у нас, на Земле, наступила весна....

Бело-рыжая весна

Бело-рыжая весна. В карьере – лужи,
Блюдца синие... Берёз неровный ряд...
Снег прошёл сквозь оттепели, стужи –
Льдины белым пламенем горят.

В них протаяли монеты чёрных листьев.
Колёи наполнены водой,
Неподвижной и хрустально-чистой.
В небе – тучи влажною грядой,

Облака, прозрачно-акварельны.
Ветер бродит в травах, шелестит.
Птичка радуется заливистою трелью.
Убаюкалась душа, и не болит...

Твой город

Я мучительно город люблю,
Словно ты и во всём, и повсюду...
Тени памяти всюду ловлю
В долгих улицах, зданиях, людях.

В переулке хранятся шаги,
Пруд запомнил навек отраженья.
И поездок овалы, круги
До сих пор продолжают движение.

...Душный вечер, подходит гроза.
Дремлет город в черёмухах сонных...
Ты успел мне его показать,
Сам в него бесконечно влюблённый.

Город мне говорит о былом.
Шумом листьев и криками чаек...
Согревает душевным теплом...
По тебе он скучает, скучает...

Моё сердце полно тобою

Моё сердце полно тобою.
Переполнено, через край.
Тише, сердце, не надо сбоить.
Тише, сердце, не умирай.

Поживу ещё, повоюю,
Много дел ещё на земле.
Избалованная июлем,
Накупалась в земном тепле.

Ты летишь по иным орбитам,
По-иному на жизнь глядишь.
Не разлюблена, не забыта,
Я тобою. И пусть молчишь,

Во вселенском безмерном шуме
О любви шелестишь листвою.
Знаю точно, что ты не умер.
Любишь, веришь, и ждёшь – живой.

Вечно рядом

Ты для меня всегда живой.
Обычно не скучаю вроде.
Писать записки – не впервой,
И не реву при всём народе...

А вижу фото – и рекой
Вспоминанья, слёзы градом...
Но тот, на фото, далеко.
А настоящий – вечно рядом.

Альбом

Как душа заболит, как заплачет...
А всего лишь открыла альбом.
Солнце желтое. Клязьма и дачи,
Утки, травы, заборы кругом.

Ты стоишь у знакомой калитки.
Вот и я. Так сияют глаза!
Снимки. Лица. Глаза и улыбки.
Звон посуды, слышны голоса.

Мы у крестной гостим. На веранде
Сладкий, пряный стоит аромат.
Всюду яблоки. Вы только гляньте:
На столе и в корзинах лежат.

Нам – гостинцы, и банку варенья.
Электричка, знакомый перрон.
Позабытый почти День Рождения
Воскрешён и почти повторён.

Я боялась, что сердце заплачет.
Нет. Чуть сжало, а так – тишина.
Клязьма, птицы, заборы и дачи...

Ты со мной, от светла до темна.

Здесь Небо близко

На кладбище – трава, кресты, роса.
Кусты уже все листья обронули.
Недалеко – движенье, голоса:
Родные убирают у могилы.

Слов не понять, и не увидеть лиц.
Иду тропинкой узкой меж оградок.
Пока идешь – наслушаешься птиц.
Звенят, чирикают... Душевная отрада.

Душа настроится, как чуткий камертон,
На тихие сердечные молитвы.
Всех православных, здесь лежащих, Он
Пусть упокоит, отгремели битвы.

Замшелый камень. Новая плита.
Знакомы эти. Тех вот – не узнала.
В душе давно утихла суета,
Докучливая маята отстала.

Здесь Небо близко. Слушает Оно
О чём скрипят высокие деревья.
Под их корнями спят последним сном,

Те, что, конечно, в воскрешенье верят.

Кружатся листья. Заросли густы.
Вздыхнешь порой, застынешь на мгновенье:
Оградки рушатся и падают кресты.
Забвенье тут царит и запустенье.

Родные, может, вычистят к зиме,
И постоят, поднимут к Небу лица.
А, может быть, и родственников нет,
И вспомнить некому, и некому молиться.

... Как тихо у могилочки твоей.
Гляжу, гляжу на выцветшее фото.
Себе я разрешаю – слезы лей.
И у плеча стоит незримый кто-то.

Шкатулка

Словно в шкатулку заветную
Я собирала слова,
Взгляды, улыбки ответные,
Нашей любви кружева.

Жемчугом вышитый вечер,
Золото нашей луны,
Наши разлуки и встречи,
И разговоры, и сны...

Тихо приблизился к краю
Ты, и как свечка, угас...
Тихо я перебираю
Наших сокровищ запас...

Крошка

Время – сито. Отсеивает
Пыль обид и огорчений.
В сите – крошка золотая.
От неё идёт свеченье.

Глянесь – мизерная вроде,
А возьмёшь – немало веса.
Набрала в себя за годы
Столько ласки, интереса,

Отреченья и заботы...
В ней – молитвы, отблеск Рая,
Доброта, души полёты,
И любовь, любовь без края...

Как прекрасна, просто чудо,
Эта маленькая крошка...
Уходя навек отсюда,
Я зажму её в ладошке.

Ты знаешь...

Ты знаешь, столько во мне любви...

Она безмерна, как океан.

Она любого легко оживит,

Она любого избавит от ран.

Но оказалось, в душе дыра...

И силы вытекли, словно кровь...

И эту рану из самых ран

Латает чудом моя любовь...

Ты знаешь, столько во мне тоски.

Она пустыней окрест лежит.

Живут повсюду снега, пески,

Провалы, горы и миражи.

Но оказалось, в ней есть тепло,

Укроет путника ветхий кров.

И там, студёным ветрам назло,

Живёт тихонько моя любовь.

Ты знаешь, я в небеса гляжу.

Я знаю, там обитает Бог.

К Его Ногам я жизнь положу...

СВОЮ ТОСКУ И СВОЮ ЛЮБОВЬ...

Апатия

Порой апатия накатит,
Лежишь и смотришь в потолок,
Не дома словно, а в палате...
И мыслей слушаешь поток...

Верней – круговорот. По кругу
Они идут: работа, дом...
Сквозь слёзы Богу, словно Другу,
Проблем выплакиваешь ком.

Наплакавшись, лежишь устало.
Душа просторна и пуста.
Глядишь – и поднялась, и встала...
И день – как с нового листа.

Тишина

Днём я сонная. Ночь – без сна.
Но живёт во мне тишина.

Фейерверки гремят. А во мне
Рыбы тихие шепчут на дне.

В папку с файлами заглянуть -
Снова памятью сердце кольнуть.

Но закроем собой вода
И разлуки, и провода,

Самолёты и поезда.
Чтоб дышала я без труда

Обитая на глубине,
В тишине, тишине, тишине.

Ткань жизни моей

Ткань жизни моей истончилась.
Но нитки, пожалуй, крепки.
Живу ещё, это ль не милость?
Распутываю узелки...

Когда-то была я счастливой.
Недолго, рывками, взхлёб.
Теперь истощаются силы,
А время из рыси – в галоп...

По кругу привычного плена
Несёмся... Однажды – взлетим.
Сердечные нити – нетленны,
Своих мы отыщем по ним...

Рядом

Холод в груди накопила.
Кто же согреет меня?
Даст мне и крылья, и силы,
Солнце средь тёмного дня?

Август грустит за окошком,
Падают листья в траву.
Мне бы сиянья немножко,
Сказки, во сне, наяву.

Тихое, грустное бремя
Мыслей, не знаю о чём.
Как пережить это время?
Где ты, родное плечо?

... Рядом! – душа восклицает.
Видишь: любовь и тепло
Светятся в людях, мерцают
Сквозь ледяное стекло.

Быть может, брат...

Быть может, брат, когда придёт беда,
Взор обратится в поисках поддержки,
Вдруг тот, кого не замечал ты в спешке,
Иль ненавидел, презирал всегда,
Придёт на помощь...
Мир перевернётся.
Окажется, что ложно всех судил.
И вытащит тебя со дна колодца
Совсем не тот, кого ты попросил.

Умиравшие люди

Умирающие люди
На скамеечке сидят.
Как им хочется отсюда,
Где их лечат, всем подряд.

Их давным-давно простили.
Ждут их Ангелы давно.
А они живут. Красиво,
Словно призраки в кино.

Не шумят, не протестуют,
Что-то ищут в облаках.
Носят жизнь свою простую
На исколотых руках.

Приснилась школа

Приснилась школа. Та, которой нет.
Она сгорела в одночасье, жарко
Тому назад... не помню, сколько лет.
А вот во снах живёт до жути ярко.

И я иду вдоль окон голубых.
Сегодняшних знакомых вижу лица.
А коридор тревожно пуст и тих.
Он, как тоннель, куда-то в темень длится.

Исчезнувшая школа... До сих пор
Как существо из глубины всплывает.
Куда ведёт тот школьный коридор?
Не в классы, в бездну двери открывает...

На старом кладбище

Вечером небо горело пожаром.
Значит, ветра заведут свои песни.
Слышишь, как грустно на кладбище старом
Ветер играет венками из жести?

Звон мелодичный, и скрипы, и скрежет
Жестких цветов на железном каркасе.
В памяти образ какой-то забрезжит.
Старый учитель... Сосед... Одноклассник...

Дождь на могилки посыпался слёзно.
Ветер песком запорошит их снова.
Слово есть жуткое, тёмное: «поздно».
И «никогда» – тоже страшное слово.

Звёзды облезлые тают в крапиве.
Чьи-то оградки давно провалились.
... Души усопших отчаянно живы.
Просят, кричат, чтоб о них помолились!

Молюсь, и лица проступают

Молюсь, и лица проступают.
Глядят сюда из темноты.
Границы жизни-смерти – тают.
Молитвы, кажется, просты,

Но сколько смысла, упования,
Непостижимой глубины!
В душе рождают покаянье,
Грехи становятся видны.

Родные очень благодарны,
Пусть мы не слышим голосов,
За то, что в суете угарной
Читаем мы молитвослов.

Усопшим так нужны молитвы!
Как в зной – прохладная вода.
Они – подспорье в трудной битве,
Они – спасенье до Суда.

Стучится мысль в толкучке буден,
Пока свет жизни не угас:
Кто за меня молиться будет?

Кто руку помощи подаст?

Воспоминания

Воспоминания не гладят мягкой лапой,
А часто выпускают коготки.
Ну хватит, хватит душу мне царапать.
Издрана давно на лоскутки...

Но странно – есть и в боли утешенье...
Чужая ненависть готова сжечь дотла.
В прощении спасенье, в неотмщении...
Тогда и ночь безлунная – светла.

Прости нас, Боже... Души – это тайны.
Безмерные – ни берегов, ни дна...
Когда листаю старенький помянник,
Мне пальцы обжигают имена.

Узы

Зачем тебе былые связи?
Ведь с глаз долой – из сердца вон?
Но всё тащу я цепь из грязи,
Под крики мысленных ворон.

Пусть пальцы в иле, заскорузли.
Господь отчистит добела
Верёвки, цепи, сети, узы,
Просеет мысли и дела.

Помянник станет – словно святцы,
Где боль за ближнего – свежа.
Чтобы от горя отвязаться,
Ошибкой будет – убежать.

Иди сквозь топь, не зная броду,
Свой страх пытаясь побороть.
Из темных камер на свободу
Кого-то выведет Господь.

Он выведет... а ты смиренно
Шагай, тащи свой долгий груз.
Душой коленопреклоненной

Любви не прерывая уз...

Верёвка

Казалось, накрепко забил
Подвал, гвоздями прошивая.
Казалось, накрепко забыл.
А память – вот она, живая.

Начнут забытые находки
Душить, трясти, напоминать,
Океанической подлодкой
С глубин неведомых всплывать.

Всплывают старые грехи,
Тошней, огромней раз от раза,
И шепчут, сумрачны, глухи,
Что ты к ним накрепко привязан.

Успеть, успеть «прости» сказать,
Покаяться, крестясь неловко...
Ломая пальцы, отвязать
Тугую, страшную верёвку...

А душа усталая мечтает

«Ты за всё ответишь!» – шепчут бесы.
И молюсь я «Господи, прости!».
Да, весы все прегрешенья взвесят.
Вокруг пальца их не обвести.

Точные. До мелкого микрона.
...Валяются в геенну короли.
В пепел обращаются короны.
Деньги превращаются в нули...

Мы живём в унынии и спешке,
Дух молитвы в нас окаменел.
Господи, отформатируй флешки,
На которых списки грешных дел!

Меж землёй и небом обитает
Непонятной жизни человек.
А душа усталая мечтает
Прилепиться к Господу навек.

Выбраковка стада

Нас пустят первыми под нож.
Придет пора проверить стадо...
Не блеешь, скажут, а поёшь.
А нам неблеющих не надо.

Придет наш час, и ясным днём
Над нами небо распахнется,
И мы, слабея, упадём
На дно небесного колодца...

Приют души

Приют измученной души
Ни в тесной келье, ни на воле,
А там, куда всегда спешит,
Где крест лежит на аналое.

Когда стоит она, душа,
Пред Богом, слезы сами льются.
А псы страстей у ног лежат,
Не смея даже шевельнуться.

Божьи Ангелы

Дочке Лене

Божьи Ангелы – чистый свет.
Снежно-белые крылья неженюк.
Ничегошеньки у них нет:
Ни признанья, ни крова, не денежек.

Есть любви золотой цветок,
В душах светлых небесный пламень.
Чтобы ветер задуть не смог,
Что есть сил обоймут крылами.

Есть забота – на зов лететь,
Тьму отхлопывать, чёрную стаю.
Если пёрышек не жалеть,
Они заново отрастают.

Ангеле мой светлый

Ангеле мой светлый,
Лучезарный мой!
Первым меня встретит,
Как пойду домой.

Ангеле мой чистый...
Я же – головня.
Глянет с укоризной,
Грустно на меня.

Друг ты мой небесный!
Плохо я жила.
Всё тебе известно
Про мои дела.

Сколько я грешила,
Веры не храня...
Ангеле мой милый!
Не оставь меня!

После молитвы

Молитвою наполнена душа.
Язык замолк, а всё слова летают,
И длятся, повторяются, дрожа.
Пустою хижина была. Теперь – святая.

Свеча горит. Пусть теплится едва,
Пусть ничего не знают те, что рядом,
В душе поют небесные слова.
Они – благоухание, отрада.

Лазарь

Господь заплакал: выходи.
И вышел он, потусторонний,
Из злобы адовой бездонной.
Толклись рыдания в груди.

Он не смеялся, говорят.
Служил, и помнил бездны ада.
И знал, что ничего не надо
Душе, а только Божий взгляд.

Познав отчаянье и страх,
Он знал – земное не спасает.
Лишь словом Божиим оживает
Душа в греховных пеленах.

Из селенья захолустного

Из селенья захолустного,
С горькой думою в очах,
В храм заходят люди грустные,
С тёмным грузом на плечах.

Перекрестятся тихонечко,
Свечи светлые зажгут,
Да приложатся к иконочкам,
Грузы тяжкие – спадут.

И когда уходят – крестятся
На святые образа.
А на лицах тихо светятся
Увлажнённые глаза.

Мимо храма люди

Мимо храма люди, мимо храма.
Всё в больницу люди, всё в больницу.
Лечат грипп и всяческие раны,
Ходят по врачам, грустнеют лица.

В храм заходят редко, редко, редко.
Денежки на свечку наскребают.
Душу осторожную из клетки,
Полетать немного, выпускают.

Вот она летает и вздыхает.
Смотрит боязливо на иконы.
Боли её, раны – затихают.
Радуетя и кладёт поклоны.

И выходит человек из храма
Ликом светел. А душа лопочет,
Что смотрела Богородица – как мама.
Что из церкви уходить не хочет...

Соборование

Заполнен храм. Трепещут огоньки.
Звучат молитвы. Вкус вина и масла.
Душа недавно ныла от тоски.
Но здесь тревога без следа угасла.

Весь храм поёт! Молитвы фимиам
Струится в небо. Каждый здесь – болящий.
Свои Кресты возносит к Небу храм.
Отрезок времени – святой, животворящий.

Мы выиграли этот краткий бой,
Став частью светлого церковного народа.
Придём домой, и принесём с собой
Сиянье глаз и тонкий запах мёда...

На Троицу

На Троицу благоухают храмы
Берёзовыми листьями, травой.
Душистый самый, и зелёный самый
Июньский праздник, солнечный, живой.

Гирлянды из берёзовых сердечек...
Куда не глянешь – отдыхает взор.
Три Ангела, среди цветов и свечек,
Ведут серьёзный, вечный разговор.

Священник в изумрудном облачении
Выходит к людям и возносит крест.
И от креста и блики, и свеченье
Летят, благословляя всех окрест.

Люби Небесное

Колодцы зла бездонны и ужасны...
Зачем тебе смотреть в глухую жуть?
Гляди наверх, где облака и Царство.
Гляди наверх – там любят, верят, ждут.

Зачем тебе громады тёмных сплетен?
Зачем обиды, едкая молва?
Есть мир иной – он невесом и светел.
Там обитают чистые слова.

Хотим взлететь, но гири не пускают.
Цепями тяжкими опутали грехи...
Не объяснить, как сильно мы устали.
Молитвы наши слабы и тихи.

Люби Небесное! Оно лишь душу лечит!
И так люби, чтоб взор не оторвать...
И Сам Господь пойдёт к тебе навстречу,
Когда застынешь у Небесных Врат...

Небесный город

Ступени боли. Новые просторы.
Терпением распахнуты врата.
Песком сквозь пальцы – споры, разговоры.
Безмолвна, необъятна красота.

Откроется очам прекрасный город,
Ступени белые, увитые плющом...
Мир распахнётся – вечно свеж и молод,
Присутствием небесным освящён.

В реальность превращается набросок.
Шаги навстречу... Звон прогретых плит...
Наступит миг ответов на вопросы...
Всё лишнее огонь испепелит...

Об авторе

Ольга Михайловна Леонович родилась 16 августа 1963 года в селе Горки Шурышкарского района Тюменской области. Ей был год, когда родители, сельские учителя, переехали в Читинскую область. В Забайкалье окончила школу, педагогический институт. Стихотворения начала писать ещё в школе. Автор многих поэтических сборников, член Союза писателей России с 2001 года.

В 2011 году переехала в Подмоскowie. Сейчас проживает в городе Дмитрове, член литературного объединения «Дмитровские зори».

